Гамлет и Селестен

Свежий ветер апрельского постановления разогнал свинцовые тучи скуки в театре, порожденные серьезничаньем, учительством, ограниченностью тем и элементарной агитационностью, и уже открыл увлекательные и заманчивые горизонты, к которым хочется идти.

Мне жаль, что наш «Гамлет» хотя формально и был выпущен после апрельского постановления, но он уже по существу был вполне готов, задуман и сработан в атмосфере «доапрельской». О чем же я жалею? Конечно, бесполезно гадать, что было бы, если бы «Гамлет» ра-

ботался сейчас, а не раньше, но мне кажется, что многое в самом существе было бы иначе и мы избежали бы кое-каких ошибок.

За истекший год я сыграл две роли—Гамлета и Селестена в «Интервенции». За Гамлета мне лично довольно вежливо, мягко, но все же попало, а в Селестене я был облакан свыше меры.

Сопоставляя эти факты, думаю о разной судьбе этих ролей и пьес, помимо всех прочих различий мне пришло в голову, что есть одно различие, которого быть может и не было бы теперь.

Дело в том, что играя Селестена, я ощущаю полно и органично, что несущее существо пьесы, существо спектакля, его идею зрителю. Мне свободно, легко и радостно. Я чувствую, что режиссер и актеры органично слиты с пьесой и автором. Их интересует лишь донесение до зрителя существа пьесы, в которое они влезли с головой, в которое они проникли. Кроме того, ощущение радости идет и оттого, что и образ Селестена не прямолинеен у автора, а тоже «апрельский», многогранный.

Не то в Гамлете. Мне думается, что «доапрельская» атмосфера породила некоторые из его ошибок. В самом деле, если мы вспомним пьесы и спектакли, которые шли в последнее время перед 23 апреля и в нашем театре и в театрах других, мы увидим, что скука и серость отбивали охоту ходить в театры, в которых под разными соусами, в разных лицах игралась одна и та же пьеса, которую зритель прекрасно знал, разгадывая ее интригу и точно предвидя с самого начала ее конец. И вот «Гамлет», задуманный и осуществленный Акимовым и нами, в такой обстановке и в результате ее не стал спектаклем по существу темы, а накренился в сторону подемки. Он, спектакль «Гамлет», может быть излишне в ущерб существу перегрузился элементами бунта против пресности, скуки, царивших в театре. Хотелось эпатировать самодовольных руководителей, хотелось нарушить хотя бы озорством, эксцессом монотонность установленного для искусства и театра регламента.

И может быть право искать, творчески спорить, данное всякому советскому творцу и художнику, даю бы и нам возможность больше заняться существом, углубиться в тему, не отвлекаясь на более мелкие и злободневные побочные вопросы борьбы с театральными противниками. Я отнюдь не хочу свалить на других все ошибки «Гамлета», но некоторую долю их безусловно можно отнести за счет нездоровой атмосферы, царившей в искусстве во время нашей работы над ним.

Сопоставление с точки зрения сегодняшней годовщины наших спектаклей «Гамлета», с одной стороны, и «Бульчева» и «Интервенции», с другой, иллюстрирует по-моему еще один раз все творческое значение апрельского документа, которые нам, советским художникам, открыты такие богатые возможности, оказано такое доверие и который говорит о силе и уверенности пролетариата и его партии в том, что идеи социализма настолько велики, справедливы и увлекательны, что сейчас каждый художник нашей страны одушевлен и движим в своем творчестве великими порывами и целями рабочего класса, творящего пролетарскую революцию.